

ТЭФФИ

Ведьма

Надежда Тэффи

Старухи

«Public Domain»

Тэффи Н.

Старухи / Н. Тэффи — «Public Domain»,

Надежда Тэффи

Старухи

В. М. Дорошевичу

В маленьких захолустных городках всегда есть несколько боковых глухих улочек, ведущих либо к реке, либо к городскому выгону, либо к какому-нибудь заброшенному заводу. Улицы эти живут всегда своей отдельной жизнью.

В центре города, на какой-нибудь Большой Дворянской или Малой Московской, давно уже фельдшер ездит на велосипеде, а жена следователя перетянула ноги жгутом и ходит, как лошадь, выпущенная в ночное без пастуха, – словом, вкушают от плодов культуры всем ртом; на боковой же улочке, не мощеной и поросшей по краям травой, пасется корова, и заботливый пастух кормит своих кур чем бог послал прямо на тротуаре.

Домики на таких улицах – деревянные, в три окошечка, с сенцами и калиткой.

Климат у них тоже свой, особенный. Когда в центре города уже объявлена весна и даже камни мостовой успели просохнуть – здесь еще лежит снег, и мальчишки катаются на саночках.

Вдова земского начальника Анна Михайловна Сивачева, прозванная для удобства и краткости просто «начальницей», жила именно на такой улочке в городке Сосновичах в собственном домике.

Домик был хотя и собственный, но, тем не менее, гнилой и старый. Но Сивачева этим обстоятельством не огорчалась, так как в домике жило только ее неприхотливое туловище. Голова же, завернутая в платок, так что видна была только передняя папильотка, весь день торчала в открытом окошке.

Жизнь на улице была очень интересна. По утрам видно было, как Фогельшина кухарка идет с базара. Вечером мещанин Кошкин бил свою жену. По воскресеньям проезжал на извозчике пьяный клубный музыкант со скрипкой. А раз как-то была совсем уже редкая и интересная картина, какую не каждому доведется увидеть: Маньку Кошкину бодала безрогая акушеркина корова. Бодала прямо лбом.

Но больше всего интересовали начальницу собаки.

– Ты куда бежишь? – спрашивала она какую-нибудь пеструю дворняжку. – А? Ты уже два раза тут пробежала. Разве можно так много бегать? Хи-хи!

Она говорила с собаками кокетливо и жеманно, как говорят с хорошеньким, нарядным ребенком, желая понравиться его родителям.

– А ты куда? Ну, зачем ты лазала под забор? Хи-хи! Ай как нехорошо!

Собак в Сосновичах было много, и начальница за день наговаривалась с ними до хрипоты.

Были у начальницы и кошки – в количестве неопределенном, потому что приходили и уходили когда им вздумается.

– И что это, будто эта рябая и не наша! – удивлялась начальница Фекла. – Будто и не наша, а молоко локчет!

– Ну и пусть не наша! А тебе уж жалко! Жадничаешь! Над голодным зверем куражишься! – заступалась начальница.

Кошки спали в сенцах, рядом с собаками, и собаки, от старости и немощи изменившие природным инстинктам, не трогали их.

Если кошка ночью выходила погулять, начальница сама отворяла ей дверь и освещала дорожку фонариком, чтобы кошка не стукнулась.

Отдавая себя на служение собакам и кошкам, начальница раз в году, а именно в первый день Пасхи, вспоминала, что она не кто-нибудь, а вдова земского начальника, почтенная дама, воспитанная в пансионе де-Газель.

С самого утра она снимала свою заветную папильотку (единственный раз в году), взбивала на лбу челку и доставала из сундука зеленое шелковое платье, пахнущее пачулями и нюхательным табаком.

Фекла, подавленная великолепием барыни, молча оправляла на ней платье.

– Женщина моего круга должна поддерживать свои знакомства и связи, – сухо говорила начальница сама себе в зеркало.

Знакомство у нее было только одно – с Ольгой Петровной Фогель, или, как она говорила, «с этой дурой Фогельшей».

Связей же не было никаких, если не считать одной мимолетной, бывшей лет сорок тому назад, с доктором Веревкиным, перед которым никто, буквально никто устоять не мог, а эта дура Фогельша настолько потеряла стыд и совесть в своем увлечении, что даже покойному Фогелю (умный был человек) пришлось ее поколотить.

Начальница подкалывает юбку и идет, шурша шелками, через сенцы мимо изумленных собак прямо на улицу.

Фогельша жила наискось, домов через шесть. Она была старая и одинокая и почти глухая. Дом у нее был большой, гостиная с бархатным ковром и вязаными салфеточками.

Сама Фогельша, толстая, красная и сердитая, сидела в пестром капоте с малиновым бантом. Начальница думала, что она носит этот бант потому, что до сих пор воображает, будто доктор Веревкин был влюблен только в нее одну. И хотя начальница знала, что это сущий вздор и что доктор Веревкин, наверно, в душе насмеялся над Фогельшей, тем не менее бант этот раздражал ее.

На Пасху у Фогельши бывал гость, кругленький седой старичок, такой румяный, будто ему щечки морковкой натерли. Глаза у него были кроткие и веселые.

– Здравствуйте, Анна Михайловна, голубушка! Спасибо, что пришли... Воистину воскрес! – встречала хозяйка начальницу. – А то вот этот франт сидит тут три часа и бурчит себе что-то под нос. И что это они все нынче говорить разучились, что ли? Отчего же прежде-то все умели? Ума не приложу.

– Ольга Петровна, хе-хе, все нервничают, хе-хе! Капризная, хе-хе, дамочка, – кротко веселился старичок.

– Ну вот, сами слышите. Ну, можно ли тут хоть одно слово разобрать! Бурчит, да и только.

– Я Ольге Петровне изволил рассказать один анекдотик, а оне не могут, хе-хе, понять соли.

– Слышите, слышите! Ей-богу, и смешно, и досадно! Уж ушел бы лучше, коли говорить не умеет.

Старичок, который, по-видимому, тоже не все слышал, что ему говорят, долго кротко шутил и смеялся. После его ухода хозяйка вздохнула:

– Какие они неинтересные пошли, эти нынешние. Нет, в наше время не такие люди были. Помните, Анна Михайловна, доктора Веревкина?

Начальница пожевала губами и сказала почти громко:

– Ах ты, толстая дурица! – Но та все равно не слышала.

– Анна Михайловна, я вас все собираюсь спросить, – вдруг заволновалась она, – помните, исправник Федор Нилыч пикник-то устраивал? А? Так вот я не могу никак вспомнить, с кем тогда доктор Веревкин в своей таратаечке поехал? А? Вы помните? Доктор Веревкин?..

Анна Михайловна молча поджала губы.

– Ну, голубушка, – задыхалась хозяйка, – ну, неужели же вы не помните?

Лицо у нее все словно повисло и обмякло, а глаза стали жалкие и жадные.

Начальница понимала, что она прекрасно помнит, что доктор Веревкин поехал именно с ней, с дурой Фогельшей, и понимала, что Фогельше хочется услышать это от нее, чтобы ее унижить, так как доктор Веревкин и за ней ухаживал.

Губы у нее задрожали, и, гордо подняв голову, она ответила презрительно:

– Да с вами же, Ольга Петровна! Конечно же, с вами, но неужели же вы придаете этому такое значение? Хи-хи!

Та вся сразу залучилась мелкими самодовольными морщинками:

– Ах, да ведь правда, со мной! А я и забыла. Теперь припоминаю...

Но начальница больше уже не могла слушать, как Фогельша «воображает».

Она наскоро попрощалась и пошла домой.

Платье уже не шуршало гордо и радостно – отсырело, что ли.

Собаки в сенцах завилляли хвостами, и лица у них, после Фогельшиной морды, казались родными и добрыми.